

Вячеслав Яковлевич Шишков

Пейпус-Озеро

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В99

Вячеслав Яковлевич Шишков
В99 Пейпус-Озеро / Вячеслав Яковлевич Шишков – М.: Книга по Требованию,
2012. – 113 с.

ISBN 978-5-458-03362-6

В повести известного русского советского писателя В.Я.Шишкова "Пейпус-озеро" отражены подлинные исторические события гражданской войны.

ISBN 978-5-458-03362-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Вячеслав Яковлевич Шишков

ПЕЙПУС-ОЗЕРО

Глава 1. Свершается реченное.

Николай Ребров последний раз оглянулся на Россию. Под ногами и всюду, куда жадно устремлялся его взор, лежали свежие первоноябрьские снега, воздух дышал морозом, но Пейпус-озеро еще не застыло, спокойные воды его были задумчиво-суровы, и седой туман разметал свои гривы над поверхностью. А там, на горизонте, легкой просинью едва намечались родные далекие леса.

Николай Ребров едва передохнул, остановившееся его сердце ударило с новой силой, он крикнул:

– Иду, Карп Иванович! Сейчас... – и побежал к скрипевшему большому возу, на колеса которого наматывался липкий снег.

* * *

У заставы пришлось беженцам провести трое суток в холоде, в снегу. Эстонскими властями разоружалась Северо-Западная армия генерала Юденича: отбиралось и переписывалось оружие, проверялись списки, выдавались наряды: кому куда. Безостановочно двигались обозы, уныло шагали солдаты в одиночку и кучками – остатки белых на-голову разбитых полчищ. Вся эта жестокая затея, стоившая России стольких жертв, продолжалась около трех месяцев, и новая европейская амуниция белых войск еще не успела истрепаться о красные штыки. Зато лица солдат унылы и потрепаны, в глазах усталость, озлобленность, головы опущены, и мало веселых слов. Так с поджатым хвостом возвращается в свою будку побитый пес. Среди свежей амуниции то здесь, то там култыхает серая рвань: это забеглые, покинувшие свою родину, красноармейцы. Надрывно скрипят по снегу немазанные колеса таратаек, истощенные быстрым отступлением обезноженные лошади тяжело поводят ребристыми боками, мобилизованные псковские мужики угрюмо шагают возле своих кляч и с ненавистью поглядывают на скачущих верхами офицеров.

– Вот и Эстония, – сказал Николай Ребров.

– Да, – безразлично ответил с возу Карп Иванович, богатый торгаш-крестьянин из-под Белых-Струг. Он очень толст и неуклюж, рыжие усы вниз, бритое лицо заросло щетиной. Семь больших возов, запряженных собственными лошадьми, везут его добро. Он на послед-

нем. А на первом возу – сельский батюшка, отец Илья с перепуганным сухощеким личиком. Он согнулся, засунул руки в рукава и дремлет под гул унылый речи, под скрип возов.

– Рарарара..... Футь!

– Не отставай, Мишка, не отставай!

– Я не отставаю... А где тятя-то?

– Фють! Но, шолудивая!

Старый сосновый лес. Сквозь шапки хвой голубеет небо. Был ликующий зимний день, но многотысячная бегущая толпа, вся, как в ночи, в проклятиях и вздохах, и поток солнечных лучей не мог пробить гущу унылых дум. По обе стороны лесной дороги шагали с узлами, с торбами согбенные люди. Мелькали красные, белые, черные платки на головах женщин и подростков. Мычали коровы, бляели овцы, где-то протестуяще визжала свинья.

– Нно! Чего поперек дороги-то остановился? Эй, ты!

– Двинь его кнутом!

– Тпру! Сворачивай, дьявол!

– Ксы! Дунька, гони, гони корову-то в лесок!.. Чего ты, кобыла, чешешься!

На пути эстонский хутор. Возле белого чистого домика стоит семья эстонцев. «Сам» в белой рубахе и ватной жилетке. Бритое лицо его зло, серые узкие глаза сверкают. Он кричит что-то поэстонски на разрозненно шагающих солдат и, выхватив трубку, бросает с презрением:

– Ага, белы черть!.. наших баронов защищать пришли? Куррат!

– Мороз померзнуть надо их, – подхватывает другой эстонец. – Нейд тарвис... Яра хавитада. – Он не торопясь подходит тропинкой к своему соседу, злорадно хохочет, подмигивая на солдат: – Повоевал, ладно, чорт, куррат... Тяйконг... А жрать в Эстис пришел...

– Эй руска! Ваши газеты печатались – Троцкий у вас в плену. А ну, покажи, где Троцкий?.. Ха-ха-ха-ха...

– Они Питер взяли!.. Вот наши бароны подмогу им дадут, на Москву полезут.

Обезоруженные солдаты отвертываются, глядят в сторону, вздыхают, пробуют громко между собою говорить. Вот один надрывно крикнул:

– Молчи, чухонская рожа! И так тошнехонько.

Солнце склонилось за лес. Стало темнеть.

Беглая, неприкаянная Русь огромным ужом утомленно вползла в Эстонию.

* * *

В густом лесу, вблизи дороги глазою горят сотни костров. Людской поток завяз в глубокой тьме и остановился. На много верст сплошной цыганский табор.

Карп Иваныч деловито готовит снедь.

– Помогай, чего ж ты, Сережка, развалился, как дома на диване, – говорит он своему сыну, румяному юноше с задумчивыми глазами. – Сергей, слышишь?

– Сейчас. – Сергей нехотя встает с раскинутой у костра, на снегу шубы и сонно смотрит на отца.

– Бери ведро. Намни снегу поплотней, чай кипятить из снегу станем. У них, у дьяволов, и воды-то не выпросишь. Подошел к колодцу – гонят. Тьфу!.. Давай, говорят, две марки. Да не успел еще я, дьяволы, марок-то ваших наменять, чтоб вам сдохнуть... Тьфу!.. И лошадей-то снегом кормить придется замест воды...

– Да, да, – сказал сухощекий, с рыжей бородкой хохолком отец Илья и кивнул в сторону пошагавшего с ведром Сергея – Трудно сынку вашему будет: в холе рос.

– Матка избаловала его. Известно дуры бабы. Он, бывало, из дому не выйдет, чтоб губы не намазать фиксатуром, да брови не подвести. Франт. А дела боится, как огня. Белоручка. Несмотря, что в деревне рос.

– Трудно, трудно будет, – вздохнул батюшка. – А нет ли у вас лишней сковородочки? Яишенку с хлебцем хочу изобрести.

Где-то раздался выстрел. У соседнего костра неуклюжая женская фигура, замотанная шалью, доила корову. Это Надежда Осиповна Проскуракова, бывшая помещица, старуха. У нее молодой, кровь с молоком, муж, бывший крестьянский парень. Он сильной рукой держит корову за веревочный ошейник и насвистывает веселую.

– Митя! Прошу тебя... Ой, держи!.. Она опять меня боднет...

– Держу, держу... Доите вашу корову с наслаждением...

Голова старухи трясется, и молоко циркует аппетитно в деревянный жбан. Встревоженный вырос у костра Николай Ребров.

– Карп Иваныч! Как же быть?.. – проговорил он подавленно. – Озноб, голова болит у меня... Просился к эстонцам. В двух мызах был, не пускают. В баню просился ночевать – гонят. Даже один выстрелил, в воздух, правда... Слыхали?

– Эх, плохо, Коля, – сказал Карп Иваныч, – ложись у костра. Ужо я сена подброшу. Эх, парень! И одежишка-то у тебя один грех... Сергей, Сережка! – закричал он в тьму. – Скоро?!

– Вы, что же, гимназист? – спросил священник, и, кокнув об

сковородку яйцо, пустил его в шипящее масло.

– Реалист. Только что окончил...

– А папашенька ваш чьи же, какой, то-есть, профессии?

– Железнодорожник.

– Та-ак-с. А что же вас заставило бежать одних? – священник кокнул четвертое яйцо и потыкал ножиком яичницу.

Во тьме, на дороге непрерывный гам, крик, тяжелый грохот.

– Эй! Тут какая часть?

– Никакая. Тут вольные.

– Не видали ль полковника Заречного?

– Артилерия, что ли? Езжайте дальше. Они в фольварк ушли.

– Тпру! Стой, сто-о-ой!!

Грохот смолк. К костру подбежали два солдата.

– Братцы! Дайте-ка перекусить. Не жрамши.

– Артиллеристы? – спросил отец Илья.

– Восьмая батарея. Не знай куда сдавать. Никаких порядков не разберешь. Все начальство разбежалось. Сена нету... Лошади падают... Чухны ничего не дают. – Измученные солдаты жадно чавкали поданные Карпом Иванычем ломти хлеба.

– Никак вы из духовенных? – обратился бородатый солдат к батюшке?

– Есть грех... Священнослужитель из с. Антропова.

– Вот дьяволы какие, эти самые краснозадые, – злобно проговорил второй солдат. – Даже духовенные от них должны бежать.

– Им, анафемам, только в руки попадись... С живых шкуру спустят, – сказал Карп Иваныч, хлебая щи.

– Ну, да и мы тоже ихнего брата, – сказал бородатый, вздохнув. – Много их на деревьях качается... Папаша дозволей щец хлебнуть. Пятые сутки горяченького не видал... Ах, сволочи, как они нам нашпарили.

– Увы, – воскликнул батюшка. – Даже неисповедимо все вышло... Почитай в Питере вы были, на Невском.

– Да и были бы... Измена вышла. Англия, вишь ты, задом завертела, подмоги не дала. Надо бы ей с флотом быть, тогда наш левый фланг не обошли бы. Эстонцы тоже помощи не оказали. Ну, и господа офицеры наши вроде как свирепствовали с мужиком. Мужик, знамо, этого не любит... Вот и...

– Да, да, – вздохнул батюшка. – Свершается реченное... Брат брата бьет... Натe, христoлюбивые воины, картошечки вам... А в Питере мы будем скоро... Вера горами движет... Факт!

Из тьмы резко и пронзительно:

– Васильев! Васильев!.. Самохва-алов!! Айда скорей! Господин поручик прибыли...

– А кляп с ним, с порутчиком-то, – сказал бородач и, перебрасывая с ладони на ладонь горячую картошку, закричал: – Сей минут! Идем!!

* * *

Сыпал мелкий снег. Вершины сосен сонно брюзжали под легким ветром. У потухавших костров стихли звуки и движенья.

Ночь. Николай Ребров спит, свернувшись на сене, у костра. Сон его прерывист, сбивчив. «Встань, иди... А то умрешь...» – «Сейчас», – говорит он и быстро вскакивает. Глаза его мутные, ничего не понимающие. Но вот мысль и решимость озаряет их. Он тоскливо и медлительно оглядывается кругом, как бы прощаясь с теми, с кем коротал далекий путь. Оглобли тесного табора приподняты. Лошади понуро опустили головы, дремлют. Карп Иваныч храпит под двумя шубами в обнимку с сыном. Его лицо пышет теплом: снег тает и бежит ручейками в открытый рот. На возу чернеет скорченная фигура священника. Помещица спит возле коровы. Ее муж подбрасывает в костер топливо и насвистывает веселую. Где-то тонко и лениво тявкает собачонка.

Николай Ребров перекрестился и, пошатываясь, зашагал к дороге. Тьма становилась зыбкой, расплывчатой. Вверху, упав на снеговые тучи, дрожал рассвет. Николай Ребров двигался по дороге, как лунатик, безжизненно и слепо. Брошенные возы, таратайки, походные кухни казались ему то ползущими копнами сена, то невиданными чудовищами. Вот слон больно ударил его бивнем в лоб. Юноша отпрянул, открыл глаза: приподнятая, вставшая на пути оглобля.

«Спеши... А то умрешь»... Кто-то захохотал среди шагающих рядом с ним сосен, и близко взлаяла собачка. «Спеши, спеши, спеши», твердило сердце, но голову обносил угар, и нельзя понять, туда ли он идет. Ученическая шинелишка расстегнута, картуз с медным значком наползает на глаза, сзади треплется холщевый мешок с вещами, давит плечи, и юноше кажется, что в мешке ненужный груз: песок и камни. Он хочет его сбросить, он уже занес руку, но мешок вдруг стал легким, и ноги зашагали уверенней.

– Куда землячок?

Он оглянулся. Чуть позади его шагает, тяжело припадая на ноги, ободранный парень.

– А ты куда?

– Прямо. Я из Красной армии удрал. – Красноармеец легонько

снял с Николая Реброва торбу и перекинул через свое плечо: – Видать, устал землячок. Ничо... Я подсоблю...

– Захворал я, – сказал юноша. – В тепло хочется, в хату. Верстах в двадцати отсюда поместье Мусиной-Пушкиной... Там, говорят, пункт. Медицинская помощь.

– Лазарет, что ли? Я тоже чуть жив... Ноги поморозил... Как поем, так сблюю. Да и жрать-то нечего... Ослаб...

– Скоро утро, – вяло и задумчиво сказал Николай Ребров. Во рту сухо, в виски стучало долотом, каждый шаг болезненно отзывался во всем теле. – Я больше не могу, – сказал он. – Вот костер горит. Пойду, попрошусь, прилягу...

– Жаль, землячок... А то пойдем... Вместях-то веселей быдто... Я поплетусь, а то ноженьки зайдутся, беда. Вишь, обутки-то какие... На торбу-то... Прощай... А ты откудова?

– Из Луги.

– А я Скопской... Прощай, товарищ... – И вдогонку крикнул, как заплакал: – Мать у меня померла в деревне!.. С голодухи, знать. Земляк сказывал, билизованный... Хрестьянин... Померла, брат, померла. – Красноармеец громко сморкнулся и покултыхал вперед.

Глава 2. Золотое и красное. Бездонный колодец. Мария.

Какое-то все золотое и красное. Поют птицы, перекликаются ангельские голоса. И не хочется уходить, отрываться от этих грез. А надо.

– Спит еще, – сказал ангел.

– Пусть спит... Он кажется очень нездоров, – сказал другой ангел.

– Какой он хорошенький.

– Я бы его поцеловала. Очень красивые брови... И все.

– А глаза голубые.

– Откуда знаешь?.. Он защурившись. Спит.

– Мне думается, голубые... При светлых волосах это всегда.

Кажется чайник ушел. Где чай?

– Давай лучше заварим кофе. А почему ж у него брови черные? Значит, глаза карие... Достань-ка масла.

– А где оно?..

Ангелы говорили очень тихо. Но где-то вблизи загромычала русская матерная брань, рай провалился вдруг, и юноша поднял каменные веки. Два ангела в синих, отороченных серой мерлушкой, шубках улыбочиво глядели на него.

– Здравствуйте, с добрым утром! – приветливо воскликнули они. – Хорошо ли спали? Бедный, вы больны?

– Я – Варя, – подошла черненькая, с маленькими алыми губами. – Позвольте познакомиться.

– Мы помещики из Гдовского уезда, – сказала белокурая – Кукушкины. А папа ушел проверять скот.

– Мы же со всем имуществом... Ах, какой ужас эта революция!

Ругань на дороге становилась ядреней и жарче. Поднимали кувырнувшийся в канаву воз. – Эй, кобылка!.. так-так-так-так... Иди, пособилай!.. так-так.. – Становь дугу! А на дугу вагу... Неужели не смыслишь, так-так-так. – Ага! Пошла-пошла-пошла!.. Понукай хошень кнутом!.. Ну, сек вашу век!.. Ну!!

Юноше хотелось провалиться.

– Благодарю вас за приют!.. – крикнул он. – Мне очень стыдно... Я ночью так ослаб... Извините...

– Ах, что вы! Пожалуйста... А мы пробираемся на Юрьев. Там папочка ликвидирует скот, и мы чем-нибудь займемся, – лепетала черненькая Варя, помешивая закипающее в котелке молоко. – Это в том случае, конечно, если генерал Юденич не очистит Россию от красных банд.

– Ах, пожалуйста! – воскликнула белокурая Нина, и ее строгие брови сдвинулись к переносице. – Какую с папочкой вы городите чушь... Извини меня...

– Брось, сестра, никогда мы с тобой не сойдемся. Там бы и оставалась со своими красными. А вот и папочка...

К костру подошел с быстрыми черными глазами черноробордый человек.

– Ага! Вы уже проснулись? А ведь только еще 10 часов, – заговорил он сиплым простуженным голосом. – Ну, батенька, и хороши вы были вчера. Эх, жалко термометр далеко. Дайте-ка голову... Ого! Жарок изрядный.

На большом ковре пили кофе и горячее молоко. Лопнул стакан. Кукушкин злобно бросил его в снег. Парень-работник в рваном овчинном пиджаке возился у костра: переставлял рогульки с повешенными на них котелками, рубил баранью ногу, подбрасывал дрова. Белый понтер, Цейлон, спал у самого костра на сене и дрожал. Помещик ел быстро, обжигался, много говорил, но юношу мучила болезнь, и мысль определенно и настойчиво влекла его на отдых. Сестры шептались:

– Я говорила – голубые...

– Ничего подобного – серые.

Небо было чистое, с легким морозом. Ожившая дорога двигалась сквозь сосны – телеги, овцы, таратайки, коровы, всадники, солдаты, мужики – дорога взмывала, скрипела, скорготала, гайкала и, дуга в дугу, как хребет допотопного дракона, с присвистом и гиком, шершаво змеясь уползала вглубь.

– Я должен итти, – сказал юноша, – вы не знаете, сколько верст до Мусиной-Пушкиной?

– Ах, пожалуйста, мы вас не пустим! – вскричали сестры ангельскими голосами.

И вновь, на короткое мгновенье, покраснело, зазолотилось все.

– Я болен... Мне надо доктора... Там есть.

– Тогда вот что, – проговорил отец и поднялся. – Иван! заседлай двух лошадей... Понял?

– Трех, трех! – вскричала Варя.

* * *

Николай Ребров в вагной старенькой венгерке, подаренной ему помещиком, куда-то плывет в солнечном пространстве.

– Вы мне обязательно должны писать... Прямо: Юрьев, до требования, Варваре Михайловне Кукушкиной. Ах, милый Коля! Как жаль, что вы больны... Держитесь крепче!

Варя плывет рядом с ним, плывет и говорит, и еще плывет Иван, плывет дорога, люди, лошади, коровы, лес, плывет и фыркает Цейлон.

– У меня двоюродный брат. Я его должен разыскать. Он военный чиновник. При полевом казначействе.

– А вы любите приключения? Я люблю. А то жизнь такая серая, скучная... Особенно в деревне... Мамы у нас нет. Я всегда мечтала: встречу его, встречу, встречу!..

– Кого?

– Вас! Ха-ха-ха! Вам смешно? Милый, милый Коля. И как быстро в несчастья сходятся люди. Вы мне сразу стали каким-то родным, близким. Мне ужасно хочется ухаживать за вами, быть сестрой милосердия. Но папочка у нас очень строгий... А мама умерла.

Иван плывет, ударяет по воде веслами, лошадь мотает головой, весла говорят:

– Вам, барышня, пора обратно.

– Ничего подобного. Цейлон, Цейлон, иси!

– Барин ругаться будет.

– Не твое дело. Отстань!

Ах, к чему эти споры, когда все плывет, когда голова валится на грудь и хочется тишины и одиночества.

– Цейлон!!.

Красный лес гуще, гуще. Лес преградил дорогу.

– Тпррру!!

Туман и тишина.

* * *

Николай Ребров застонал. Зачем? Просто так, взял и застонал. Бездонный колодец. Мерцают огоньки. Под ним – солома и что-то твердое. Он полого скользит на дно, медленно, но верно. И все стонут, справа, слева, впереди, стонут, охают, бормочут и все, вместе с ним, скользят на дно. Там мрак и холод.

Идет вся в белом, белая женщина идет, идет со дна, из холода и тьмы, но в глазах ее огонь и ласка. Не даром к ней тянутся с низу жадные, трепещущие, скорченные руки, приподнимаются от грязной соломы взлохмаченные головы:

– Сестрица... Роденькая.

– Где я? – спросил сам себя Николай Ребров.

Длинный низкий коридор, солома, стоны, кучи тел, электрические лампочки над головой, сестра. И в случайной волне воспоминаний вяло проплывают разрозненные клочья картин и звуков: костры, как кони, и гривастые кони, как костры, снег, выстрел, зеленая зыбь Пейпус-озера и – «милый, милый Коля»... Чей это голос, чьи глаза? Сон или явь все это? Женщина, как хмельной туман, как черемуха в цвету, склонилась над ним, и белая рука коснулась его головы.

– Вы очень хворайт. Можете подниматься? Можете вставать? Идти за мной!

Сон продолжался, белый туман влек его вперед, шуршала солома под ногами, шуршал и рвался недовольный ропот многих голосов:

– А-а, ишь ты... а-а-а... Нас бросила-а-а...

– Скажите, где я?.. Куда меня ведете?. Почему они...

– Идти за мной... Дайте – помогу вам. Руку, руку!

Шурил глаза. И какой-то синий свет лил сверху, волнами ходил свежий воздух. Дорога, сосны, снег, стена, ступени вверх, вдруг – тепло, запахло хлебом, белая постель и милые, милые, чьи-то бесконечно добрые глаза. Николай Ребров поймал белую руку и поцеловал. Кто-то ударил медной ложкой в медный таз: бам! И этот звук, как кусок меди, как раскаленная большая пчела вьется возле юноши, жужжит, врывается в ухо, вылетает, звенит – стрекочет пред самыми